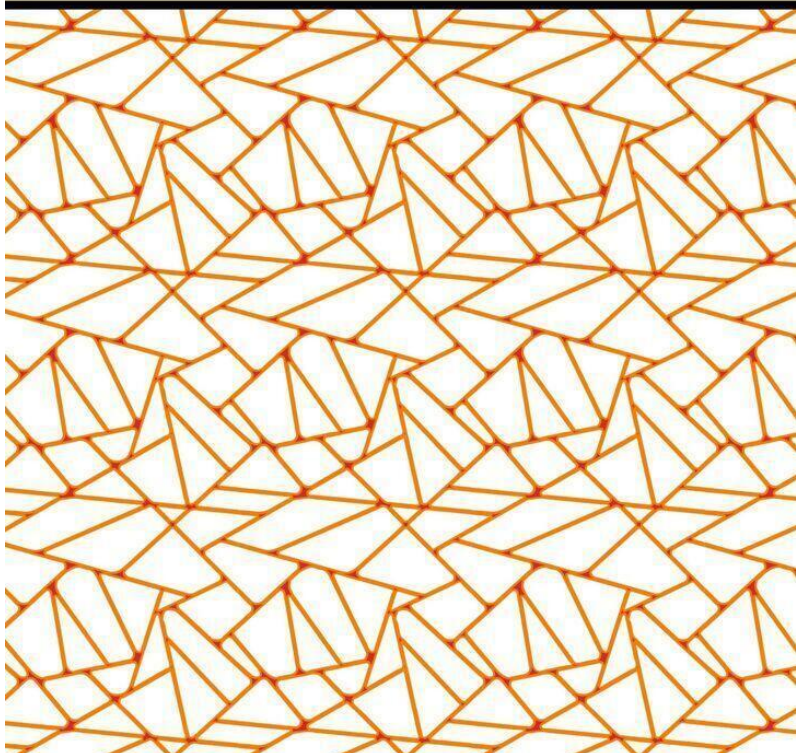

18+

VUVEY YUNIKOVICH

Мальчик, который мечтал о любви

Vuvey Yunikovich
Мальчик, который
мечтал о любви

<https://litres.ru/74588629>

ISBN 9785007134545

Аннотация

Марс оказался в ловушке временной петли. Каждый цикл заканчивается катастрофой, после которой всё начинается заново. Но с каждым повторением материя разрушается, а некоторые люди начинают вспоминать прошлое. Мика узнаёт, что связан с самой природой времени и именно он может остановить петлю. Однако цена свободы может оказаться страшнее самой катастрофы.

Содержание

Глава 2. Коридор без возврата	11
Глава 3. Дыхание реактора	17
Глава 4. Чужой пульт	23
Глава 5. Список того, чего нет	29
Глава 6. Те, кто тоже застрял	33
Глава 7. Тот, кто не возвращается	39
Глава 8. Голос между стеллажей	43
Глава 9. Список из пяти пунктов	49
Глава 10. Электрощитовая	58
Глава 11. Ремонтный ангар	64
Глава 12. Стапель номер семь	69
Глава 13. Дорога наверх	75
Глава 14. Красный горизонт	81
Глава 15. Секунда, которую сотрут	88
Глава 16. То, что накопилось	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Мальчик, который мечтал о любви

Vuvey Yunikovich

© Vuvey Yunikovich, 2026

ISBN 978-5-0071-3454-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Yuvey

МАЛЬЧИК

МЕЧТАЮЩИЙ
О ЛЮБВИ

Глава 1. Десять минут эгоизма

До Взрыва оставалось минут восемь.

Мика выскочил из узкого коллектора в главный распределительный атриум, надеясь протолкнуться к техническим стойкам. Но атриум уже превратился в базар безумия.

Никакой организованной эвакуации не было. Люди давили друг друга у заклинивших гермодверей. Взрослые мужики расталкивали локтями женщин, чтобы пробиться к последнему рабочему лифту. Пожилой администратор сектора, брызгая слюной, висел на плече офицера охраны и орал, тыча пальцем в платиновый жетон у себя на груди:

— У меня приоритет категории «А»! Открывай шлюз, сука, или я тебя под трибунал сгною!

— Пошел ты, начальник! — выкрикнул офицер и с размаху врезал администратору прикладом разрядника прямо в лицо. Тот повалился на бетон, зажимая окровавленный нос, а офицер уже сам ломился к панели вручную.

Мика отшатнулся. Внутри всё сжалось. Он хотел просто спросить, свободен ли проход к нижней станции.

— Извините! — крикнул Мика, подбегая к парню в куртке механика, который судорожно ковырял замок какого-то ящика с инструментами. — Ты не знаешь, нижний туннель...

Механик даже не дослушал. Он резко развернулся и с размаху швырнул тяжелый металлический ключ Мике прямо в голову.

Мика едва успел пригнуться — железяка с оглушительным звоном выбила искры из стены за его спиной.

— Отвали, мелкий паразитирующий урод! — взвизгнул механик, хватая из ящика запасной аккумулятор. — Моё! Всё тут моё! Убирайся, а то башку прошибу!

Механик просто озверел от жадности и страха, что у него заберут детали.

В этот же миг сзади на Мику, чьи-то тяжелые, дрожащие руки мертвой хваткой впились в его куртку, волоча назад. Пожилой колонист с безумными, наливку кровью глазами пытался вырвать у Мики из рук его старенькую сумку со сканером.

— Отдай! Отдай сумку, дрянь! — задыхаясь, сипел ста-

рик, пытаясь сбить Мику с ног. — Там скафандр?! Там фильтры?! Отдай мне, я тридцать лет на этой долбаной шахте отпахал, я имею право жить!

— Выпустите! У меня нет фильтров! — Мика пытался вырваться, но старик вцепился как клещ, используя мальчишку как живой щит перед толпой.

Натиск усилился. Офицер у лифта, поняв, что панель мертва, потерял остатки разума. Он просто поднял разрядник и начал беспорядочно палить в застрявшую у дверей толпу, чтобы расчистить себе дорогу. Дуги плазмы с треском впились в людей. Кто-то кричал, кто-то упал, началась давка.

Старик, державший Мику, от ужаса заслонился мальчиком от очередного выстрела.

Заряд прошел в сантиметре от уха Мики, обдав его раскаленным озоном. Мика из последних сил рванулся, ткань куртки затрещала и порвалась, оставляя кусок в руках старика. Мика покатился по полу, сбил локти в кровь, врезался спиной в контейнер и замер, тяжело дыша.

Он смотрел на этот атриум и не верил своим глазам.

Здесь не было героев. Были только испуганные, злые, жад-

ные и отчаявшиеся люди, готовые перегрызть горло ребенку просто за надежду выгадать пару секунд или набить карманы перед смертью.

Для них Мика был просто очередным препятствием. Лишним ртом. Мусором под ногами.

— Уроды... — выдохнул Мика, вытирая со щеки сухую марсианскую пыль, перемешанную со слезами. — Какие же вы мрази...

В этот момент под потолком что-то оглушительно ухнуло. Пол атриума ушел из-под ног, стены покрылись синеватыми трещинами, а воздух в секунду раскалился добела. Катастрофа догнала их.

Вспышка выжгла крики офицера, вопли старика и жадность механика.

...Мика открыл глаза.

Тишина. Сухой ветер. До Взрыва — снова ровно десять минут.

Мика медленно поднялся, поднял упавшую сумку и сжал зубы. Он больше не пошел в атриум. Он повернулся спиной

к жилому сектору и шагнул в темный, заброшенный туннель, ведущий к разрушенному реактору.

К черту людей. Если они хотят убивать друг друга каждые десять минут — пусть. Он найдет этот чертов корабль и улетит отсюда один.

Глава 2. Коридор без возврата

Туннель был погружен в гулкую, пыльную тьму.

Здесь, на нижних технологических уровнях колонии, sireны аварийной эвакуации звучали глухо, словно из-под воды. Каждые тридцать секунд по стальным перекрытиям проходила вибрация — огромные подземные насосы и хлад-агентные магистрали судорожно пытались сбросить давление перед детонацией.

Мика шел, втянув голову в плечи. На локте все еще ныла ссадина от падения в атриуме, а на обрыве куртки висела нитка.

«Уроды. Просто стадо злых, напуганных животных», — сжимал он кулаки, упрямо подставляя лицо сквозняку.

Он шел вперед без четкой карты, но удивительное дело — путь находился сам. На развилках, где проходы перего-раживали завалы из искореженных вентиляционных труб и выбитых гермодверей, Мика даже не задумывался. Его ноги выбирали маршрут почти на автомате.

Свернуть в полузатопленный кабельный коллектор? По-

жалуйста. Пролететь через узкий технологический люк с надписью «Высокое напряжение. Опасно для жизни»? Легко — он уже помнил, что за этим люком нет ничего опасного, только пыль и старая проводка.

Ему казалось, что это просто везение и пацанская сноровка. Но где-то глубоко под сознательными мыслями о побеге и мести билось смутное, тревожное узнавание — будто он не в первый раз идет этим маршрутом, хотя точно помнил, что оказался здесь впервые в жизни.

Через пять минут ходьбы туннель уперся в пробитую перегородку. За ней открывался колоссальный пролет — Сектор 7, техническая магистраль, ведущая прямо к внешнему периметру Лаборатории.

И там были люди.

Мика мгновенно прижался к шершавой бетонной стене, затаив дыхание.

В полутьме пролета у разбитой дрезины суежилась группа из трех человек в тяжелых скафандрах технической службы Хрисы. Один из них — высокий, сутулый инженер — пытался разводным ключом сбить замок с грузового контейнера. Вторые двое держали в руках автоматические сварочные

горелки и испуганно дико оглядывались.

— Быстрее, Марк! — задыхаясь, кричал один из сварщиков. — Там на верхних ярусах уже перекрытия рушатся! Если сейчас не пробьем путь к челнокам — сгорим тут к чертям!

— Да не поддается этот замок, мать его! — ругался сутулый, с размаху бья ключом по титановой дужке. — Тут аварийные скафандры и комплекты связи! Заберем и рванем через шестой шлюз!

Мика замер. Комплекты связи.

Если у них есть рабочий модуль дальнего радио — ему даже не нужен челнок прямо сейчас. Можно подать сигнал SOS на орбиту или на соседнюю базу.

Он уже собрался выйти из тени, но что-то его остановило — тонкое, необъяснимое чувство, будто он уже видел, чем это кончится. Мика прищурился, разглядывая троицу внимательнее. Марк держал ключ слишком судорожно. Второй сварщик стоял ближе к горелке, чем требовалось для работы с замком — так стоят, когда готовы пустить инструмент в ход как оружие, а не как инструмент.

«Они не в себе, — понял Мика. — С такими нельзя выходить в лоб».

Он огляделся. Слева от завала тянулся узкий технический мостик над кабельным жёлобом — темный, полуразрушенный, но ведущий в обход троицы, ближе к дальней стене пролета, где смутно виднелась ниша с маркировкой «Аварийная связь. Сектор 7». Не тот контейнер, что штурмовал Марк, — отдельный пост, который в панике никто даже не заметил.

Мика на цыпочках, прижимаясь к стене, двинулся в обход. Сердце колотилось так, что казалось — его слышно на весь пролет. Дважды под ногой скрипел лист обшивки, и оба раза Мика замирал на несколько долгих секунд, наблюдая, не повернулась ли к нему хоть одна голова.

Инженеры так и не заметили его — слишком заняты были своим замком и собственным страхом. Мика добрался до ниши, дрожащими пальцами откинул защитную крышку поста аварийной связи. Внутри оказался потрёпанный, но, кажется, рабочий передатчик — маленький, явно рассчитанный только на короткий сигнал в пределах орбиты.

Он не знал точных команд. Не знал протокола. Но кнопка с красной надписью «SOS» была понятна без инструкции.

Мика нажал её.

Тонкий зуммер пискнул — раз, другой. На крошечном экране мигнула надпись: «СИГНАЛ ОТПРАВЛЕН».

Он не успел понять, дошло ли это хоть до кого-нибудь. Сзади, со стороны контейнера, раздался торжествующий вопль — замок наконец поддался, и Марк с товарищами, ругаясь и толкаясь, полезли внутрь за скафандрами, даже не взглянув в его сторону.

Мика тихо выдохнул и медленно попятился обратно тем же путём, каким пришёл, — по узкому мостику, вдоль стены, стараясь не издать ни звука. Только оказавшись снова в темноте бокового туннеля, он позволил себе привалиться к стене и перевести дыхание.

«Я просто хотел поговорить», — подумал он с горькой усмешкой, вспоминая, как готов был выйти к ним в открытую. Хорошо, что не вышел.

Сзади нарастала низкая, вибрирующая гулкость. Десять минут подходили к концу.

Мика оттолкнулся от стены и пошёл дальше — глубоко в темную пробоину, туда, где за силовой перегородкой тлело

оранжевое, нездоровое марево разрушенного реактора.

За его спиной гремела очередная вспышка.

Глава 3. Дыхание реактора

Силовая перегородка встретила Мику гулом, похожим на дыхание умирающего зверя.

За решетчатой дверью тянулся низкий технический тоннель, стены которого были покрыты изморозью инея пополам с копотью — где-то рядом лопнула криомагистраль, и теперь холод и жар боролись друг с другом прямо в воздухе. Оранжевое марево, которое Мика видел издалека, оказалось не пламенем, а свечением — активная зона треснувшего реактора светилась сквозь защитный кожух, будто раскаленный уголь под слоем пепла.

Здесь никого не было. Совсем никого.

Впервые за эти проклятые десять минут — тишина, в которой не орали, не стреляли и не пытались его убить.

Мика прислонился спиной к холодному металлу и медленно сполз на пол. Дышал он тяжело — не от бега, а от того липкого узнавания, которое накатывало на него весь этот путь. Каждый поворот тоннеля он будто уже видел во сне. Каждая труба, каждый обвал казались смутно знакомыми, хотя он готов был поклясться на чём угодно, что идёт здесь

впервые в жизни.

«Это просто нервы, — сказал он себе. — Просто страх играет со мной шутки».

Он поднял взгляд — и замер.

Метрах в пяти от него, привалившись к перилам возле обшарпанной ремонтной капсулы, сидел человек — седой старик в потрёпанном инженерном комбинезоне без опознавательных знаков, с почерневшими от машинного масла пальцами. Он смотрел на Мику спокойно, без тени удивления, будто ждал его здесь уже очень долго.

— Ты живой, — сказал старик вместо приветствия, и в голосе его было настоящее облегчение. — Хорошо. Значит, не всё ещё потеряно.

Мика попятился, готовый бежать дальше в темноту тоннеля.

— Кто вы?

— Ансель. Ансель Крон, — старик слабо усмехнулся, поднимая раскрытые ладони, показывая, что безоружен. — Инженер контура охлаждения, если это тебе о чём-то говорит.

Не бойся — я не из тех, кто там, наверху, дерётся за место в лифте.

— Откуда вы здесь? Все давно должны были уйти к шлюзам.

— А я всегда знал, что к шлюзам не успеют, — Ансель кивнул на дрожащую от вибрации стену. — Двадцать лет с этим контуром прожил, я его наизусть слышу, как собственное сердцебиение. Ещё позавчера было ясно — рванёт. Просто никто наверху слушать не хотел.

Гул реактора за его спиной начал понемногу набирать высоту тона — тонкий, вибрирующий звон, от которого зубы сводило.

— У нас минуты три, может, чуть больше, — сказал Ансель, кивнув на мигающий индикатор капсулы. — Слушай быстро, парень, потому что повторять будет некому. Тебе нужно на дальнюю платформу техобслуживания, за периметром Лаборатории. Там стоит грузовой челнок технической службы — маленький, старый, но у него ещё цел один рабочий двигатель. Я сам туда шёл, чтобы попытаться его завести, да только ноги мои уже не те, что были, а путь неблизкий и не самый добрый.

— Вы хотите, чтобы я туда добрался?

— Я хочу, чтобы хоть кто-то отсюда выбрался живым, — жёстко ответил старик. — А ты, судя по тому, как быстро сюда добрался через весь этот бардак наверху, соображаешь на ходу лучше многих взрослых, которых я знаю. У челнока есть слабое место — стартовый блок заблокирован аварийным протоколом, обойти можно только вручную, с технического пульта в соседнем отсеке. Я нарисую тебе схему. Дальше уже сам.

Он вытащил из внутреннего кармана комбинезона мятый обрывок термобумаги и огрызок карандаша и, торопливо чиркая, начал набрасывать простую схему тоннелей.

— Вот здесь развилка, держись левого рукава — правый обвалился ещё в прошлый... — Ансель вдруг осёкся, будто сам удивился собственным словам, и быстро поправился, — ...ещё раньше, я слышал по связи. Дальше — короткий подъём, потом отсек с пультом. Красный рубильник справа от двери — не трогай, это отсечка кислорода. Тебе нужен синий, третий слева.

Мика взял схему трясущимися пальцами, вглядываясь в торопливые линии.

— А вы? Вы пойдёте со мной?

Ансель покачал головой.

— Кто-то должен придержать вот эту дверь открытой, — он кивнул на решётчатую перегородку позади себя, — иначе она заклинит от перепада давления, и ты застрянешь в тоннеле вместе с остальными несчастными. Иди. У тебя не так много времени, как кажется.

Индикатор на панели капсулы вдруг замигал быстрее, а откуда-то из глубины реакторного контура донёсся низкий, сухой треск — будто ломалась гигантская кость.

Мика сунул схему за пазуху и бросился бежать в указанную сторону, но у самого поворота обернулся.

— Ансель! Спасибо!

Старик не ответил — он уже навалился плечом на тяжёлую решётку, удерживая её из последних сил, и в этот момент показался Мике совсем не таинственным пророком, а просто уставшим, немолодым человеком, который наконец нашёл, ради чего стоило остаться.

Мика побежал дальше, в темноту нового тоннеля — и

не увидел, как за секунду до вспышки старик поднял голову и посмотрел ему вслед взглядом, в котором было слишком много узнавания для человека, который якобы видел его впервые в жизни.

Взрыв ударил белым.

...

Мика открыл глаза.

Тишина. Сухой ветер. До Взрыва — снова ровно десять минут.

Он сжал в кулаке пустоту — схемы, конечно, больше не было, — и уже знал, куда бежать в этот раз.

Глава 4. Чужой пульт

Схема уже стёрлась из рук вместе со вспышкой, но в голове Мики она отпечаталась, будто выжженная — левый рукав, подъём, отсек с пультом, синий рубильник третий слева.

Он бежал, не оглядываясь на атриум. В этот раз он даже не свернул в сторону главного распределительного зала — просто нырнул в боковой коллектор сразу за поворотом, чтобы не терять ни секунды на крики и давку, которые всё равно ничем хорошим не кончатся.

Левый рукав тоннеля оказался уже, чем он представлял по торопливым линиям Анселя, — местами приходилось протискиваться боком между обшивкой и оплавленным кабель-каналом. Один раз Мика чувствительно приложился локтем о выступающий кронштейн, и на глаза навернулись слёзы — не от страха, а от самой обычной, глупой боли, которая напомнила ему, что никакой он не герой и не машина, а просто мальчишка, у которого от долгого бега уже сводит икры.

«Держись, — сказал он себе. — Ансель не обманул со схемой. Дальше подъём».

Подъём и правда начался — крутая технологическая лестница, сваренная на живую нитку, ведущая наверх, к отсеку с пультом. Мика полез, цепляясь за холодные перекладки вспотевшими ладонями.

На середине пути он услышал шаги.

Не топот толпы, не паническую давку — ровные, торопливые шаги одного человека, идущего снизу, тем же путём, каким только что прошёл он сам.

Мика замер на лестнице, вжавшись в стену колодца.

Внизу, у основания лестницы, показалась фигура — девушка, чуть старше него самого, лет шестнадцати-семнадцати, в изорванном техническом комбинезоне не по размеру. В руках она сжимала обрезок трубы, как дубинку, и оглядывалась резко, дёргано, как загнанный зверёк.

Заметив Мику наверху, она вздрогнула и вскинула трубу.

— Не подходи! — крикнула она, и голос её сорвался то ли от страха, то ли от того, что кричала она это уже не в первый раз за сегодня.

— Я не собираюсь, — как можно спокойнее сказал Мика,

продолжая держаться за перекладину. — Мне просто нужно наверх. Я не трону твои вещи, у тебя вон вообще ничего нет.

Девушка нервно облизнула губы, не опуская трубу.

— Все так говорят сначала, — процедила она. — А потом бьют по голове, потому что решили, что у тебя есть последний глоток воды во фляге.

— У меня нет фляги.

— Ну так у тебя может быть что-то ещё, — она мотнула головой в сторону отсека наверху. — Ты тоже туда идёшь? К пульту?

Мика замялся. Соврать? Или сказать правду и рискнуть, что она попытается опередить его или столкнуть с лестницы?

— Мне нужно попасть к челноку техобслуживания, — сказал он наконец, решив, что откровенность иногда работает лучше вранья. — Мне сказали, что стартовый блок разблокируется с пульта в этом отсеке.

Что-то дрогнуло на лице девушки — не облегчение, скорее горькое узнавание.

— Мне сказали то же самое, — тихо ответила она. — Три минуты назад. Тем же голосом, что и тебе, могу поспорить. Седой, в комбинезоне без нашивок?

У Мики внутри всё оборвалось.

— Ансель, — выдохнул он.

— Он самый, — девушка невесело усмехнулась и наконец опустила трубу, хотя из руки её так и не выпустила. — Меня зовут Рия. Я уже трижды пыталась дойти до этого чёртового пульта. Один раз меня стоптала толпа у развилки. Второй раз я застряла в этом самом коллекторе, потому что кто-то другой полз навстречу и мы просто не разошлись, пока не рвануло. В третий раз я дошла — а пульт уже был разбит вдребезги. Кем — не знаю. То ли кто-то до меня успел его сломать в панике, то ли... — она замолчала, будто сама испугалась мысли, которую собиралась произнести.

— То ли что? — тихо спросил Мика, спускаясь на пару ступеней ближе.

— То ли кто-то специально не хочет, чтобы кто-то, кроме него самого, улетел на этом челноке, — закончила Рия. — Тут ведь одно место в кабине. Может, чуть больше, если тесниться. А нас, похоже, не один десяток бежит по этим тон-

нелям, и все получили от одного и того же доброго дедушки одну и ту же добрую схему.

Мика похолодел. Он вспомнил лицо Ансея — усталое, искреннее, будто вправду беспокоящееся именно о нём. Неужели старик просто рассылал одну и ту же надежду каждому, кого встречал на пути, зная заранее, что в живых до челнока дойдёт от силы один?

— Может, он просто пытается спасти хоть кого-то, — сказал Мика вслух, хотя сам не был до конца уверен, кого сейчас убеждает — Рию или себя.

— Может, — не стала спорить Рия. Она посмотрела наверх, на тёмный люк отсека, потом снова на Мику. — Слушай. Я не буду тебе врать и говорить, что мы теперь друзья и пойдём рука об руку к светлому будущему. У нас десять минут и один шанс на двоих, который скорее всего вообще ничей. Но вдвоём мы быстрее разберёмся, разбит пульт или его можно всё-таки починить. А дальше — кто добежит до челнока первым, тот и летит. Идёт?

Мика смотрел на неё — на разбитые костяшки, на трубу, которую она так и не выпустила из руки, — и понимал, что не может знать наверняка, ударит она его этой трубой по затылку в самый нужный момент или нет.

Но альтернативой было карабкаться дальше в одиночку, зная теперь, что пульт, возможно, уже не работает.

— Идёт, — сказал он.

Они полезли наверх вместе — не как друзья, а как два человека, которым отчаянно не хватало десяти минут, и который из них в итоге предаст другого первым, не знал ни один из них, включая, кажется, их самих.

Далеко внизу, в темноте у основания лестницы, снова застучали чьи-то торопливые шаги.

Глава 5. Список того, чего нет

Пульт оказался мёртв.

Не разбит вдребезги, как боялась Рия, — скорее выпотрошен. Кто-то до них аккуратно, деловито вскрыл панель управления и вырвал из неё половину плат, оставив после себя только обрывки проводов и запах горелой изоляции.

— Видишь? — Рия присела на корточки перед развороченным корпусом, водя пальцем по пустым разёмам. — Не авария. Кто-то забрал платы себе. Специально.

— Может, для другого челнока, — предположил Мика без особой уверенности.

— Может, — Рия не стала спорить, но по её голосу было ясно, что она в это не верит.

Мика опустился рядом, разглядывая внутренности пульта. Он не был инженером, но кое-что в этих схемах ему было знакомо — не потому, что он это учил, а по той же смутной, необъяснимой ниточке узнавания, которая вела его через тоннели с самого начала.

— Стартовый блок можно перезапустить и без этого пульта, — сказал он вдруг, сам удивляясь тому, насколько уверенно это прозвучало. — Но нужен управляющий модуль резервного контура — вот такой, — он показал руками примерный размер, — и ещё, кажется, силовой конденсатор от аварийного освещения. Без них челнок просто не наберёт тягу, даже если стартовый блок разблокировать вручную.

Рия посмотрела на него с прищуром.

— Ты вообще откуда это знаешь?

— Я не знаю, — честно ответил Мика. — Просто... знаю. Как будто уже читал это где-то.

Повисло неловкое молчание. Рия явно решала для себя, стоит ли пугаться такого спутника или, наоборот, радоваться, что он хоть в чём-то полезен.

— Ладно, — сказала она наконец. — Допустим. И где нам взять эти твои модуль и конденсатор?

Мика задумался. Тиканье внутри груди — то самое, которое он старался не замечать, — вдруг как будто качнулось в определённую сторону, точно компас, наконец нашедший север.

— Библиотека, — сказал он. — Техническая библиотека сектора. Там должны быть архивные схемы станции и... — он замялся, — и вроде бы список резервных деталей по секциям. Где что хранится на случай ремонта.

— Ты и это тоже просто знаешь?

— Просто знаю, — повторил Мика, и от того, как буднично это прозвучало, ему самому стало не по себе.

Рия выдохнула, поднимаясь на ноги и перехватывая свою трубу поудобнее.

— Ладно, гений. Библиотека так библиотека. Это в противоположном конце технического крыла, если я правильно помню карту станции. Минуты три хода, если по прямой и если нас никто не остановит.

— А если остановит?

— Тогда мы сделаем то же, что делали последние десять минут все вокруг нас, — Рия невесело усмехнулась. — Постараемся не сдохнуть чуть быстрее соседа.

Они двинулись обратно вниз по лестнице, а затем сверну-

ли в другой рукав коридора — туда, где по стенам ещё горели уцелевшие аварийные лампы, заливая всё вокруг тревожным багровым светом.

По пути им дважды попадались люди — где-то вдалеке промелькнула фигура, бегущая в противоположную сторону с ящиком инструментов в руках, один раз донёсся женский плач из-за закрытой двери технического шкафа. Мика каждый раз напрягался, ожидая нападения, но никто не обращал на ни

Глава 6. Те, кто тоже застрял

Внутри библиотека оказалась куда больше, чем можно было представить снаружи — высокие стеллажи с архивными накопителями уходили в темноту, а между ними тянулись узкие проходы, освещённые редкими аварийными панелями на потолке.

И здесь было совсем не тихо.

Где-то в глубине зала раздался грохот падающего стеллажа, следом — отчаянный женский крик и низкий, механический рокот, совсем не похожий на человеческий голос.

Мика и Рия замерли у входа.

— Это ещё что за... — начала Рия, крепче перехватывая трубу.

Мика уже видел источник звука — между стеллажами, шагах в двадцати от них, металась невысокая фигура человека в разодранном комбинезоне архивариуса, а за ним, покачиваясь на массивных гусеничных опорах, двигался сервисный робот-хранитель — обычно такие тихо и незаметно расставляли накопители по полкам и ремонтировали проводку,

безобидные, как пылесосы.

Этот же был безобиден только по виду. Его манипулятор — обычно предназначенный для переноски архивных ящиков — сейчас сжимал обломок металлической стойки, будто дубину, а на плоском лицевом дисплее вместо привычной зелёной иконки вежливого обслуживания горел частый, тревожный красный крест.

— БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЪЕКТА НАРУШЕНА, — прогу-
дел робот механическим, лишённым интонаций голосом. —
УГРОЗА КЛАССИФИЦИРОВАНА. ПРИМЕНЯЮ ДОПУ-
СТИМУЮ СИЛУ.

— Да отвяжись ты от меня! — заорал архивариус, отшатываясь и выставляя вперёд руки. — Я ничего не сделал! Я просто хотел забрать документы!

Робот занёс манипулятор для удара.

Мика дёрнулся было вперёд, но Рия перехватила его за рукав.

— Стой! Не лезь!

— Он же его убьёт!

— А ты знаешь, что случится, если полезешь под руку взбесившейся железяке весом в четверть тонны? — прошипела Рия, но по её лицу было видно, что и ей самой хочется вмешаться, а вовсе не убежать.

Удар пришёлся вскользь — архивариус успел откатиться в сторону, врезавшись плечом в соседний стеллаж, но тут же вскочил, схватил с полки увесистый накопитель и с размаху швырнул его роботу в дисплей.

Экран пошёл трещинами, но робот даже не замедлился.

— АГРЕССИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА, — прогудел он. — ПОВЫШАЮ УРОВЕНЬ УГРОЗЫ.

— Он защищается, — вдруг тихо сказал Мика, наблюдая за происходящим с каким-то новым, тревожным пониманием. — Смотри — он не нападает первым. Он реагирует. Каждый раз, когда в него что-то бросают или бьют, он воспринимает это как атаку и отвечает жёстче.

— Он только что чуть не проломил парню голову!

— Потому что для него парень уже давно перестал быть просто человеком с документами, — Мика не мог отвести

взгляд от красного креста на разбитом экране. — Взрыв, наверное, повредил ему систему безопасности. Или... — он замялся, — или он вместе с нами застрял в этой петле, и каждый раз кто-то в панике бьёт его или ломает, а он просто помнит это и на следующем витке уже готов защищаться заранее.

Рия посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Хочешь сказать, эта штука тоже помнит петли?

— Не знаю, — честно признался Мика. — Но веду себя я так же. Разве нет? В первый раз я пытался просто поговорить с людьми в туннеле. А теперь я уже заранее прячусь и обхожу их стороной, потому что помню, чем это кончилось.

Тем временем архивариус, воспользовавшись заминкой, метнулся в сторону выхода из прохода — прямо туда, где стояли Мика и Рия.

— Помогите! — выдохнул он, пробегая мимо них. — Их тут несколько! Весь архивный отдел патрулируют, и все — такие же!

Робот, лишившись цели, на мгновение замер, механически поводя разбитым дисплеем из стороны в сторону — буд-

то действительно, по-настоящему растерялся, не понимая, куда исчезла угроза. Потом его сенсоры зафиксировали новых людей у входа, и красный крест на экране мигнул ярче.

— НОВАЯ УГРОЗА ОБНАРУЖЕНА, — прогудел он, разворачивая гусеницы в сторону Мики и Рии.

— Так, план меняется, — быстро проговорила Рия, отступая к дальнему проходу между стеллажами. — Не бежим прямо от него — гусеницы у него медленнее нас, но по прямой он всё равно нагонит, если мы будем метаться. Уходим по диагонали, за стеллажи, туда, где список деталей, если он вообще существует.

— А архивариус?

— А архивариус пусть сам решает, бежать с нами или героизировать дальше, — отрезала Рия. — У нас нет времени спасти всех подряд, Мика. Мы даже друг друга толком спасти не можем.

Архивариус, впрочем, сам не стал дожидаться приглашения — он рванул следом за ними, тяжело дыша, то и дело оглядываясь на приближающийся механический рокот.

Втроём — Мика, Рия и незнакомый архивариус, которого

светла вместе одна-единственная взбесившаяся машина, — они бросились в глубину библиотеки, туда, где среди тёмных стеллажей должен был храниться архив резервных деталей станции.

Позади них, между рядами, замигали ещё несколько тревожных красных огоньков — и стало ясно, что робот-хранитель у входа был далеко не единственным, кто застрял в этих десяти минутах вместе с людьми, и вовсе не единственным, кто твёрдо решил себя защищать.

Глава 7. Тот, кто не возвращается

Вспышки Мика не почувствовал.

Не было ни белой слепящей пустоты, ни того рывка в темноту, к которому он уже успел привыкнуть за прошлые витки. Просто мгновение назад он бежал прочь от заваленного архивного прохода, а в следующее — стоял на том же самом месте, среди тех же стеллажей, и тишина вокруг была той, что бывает только в самом начале цикла: до сирен, до паники, до первого крика.

Мика замер, не веря собственным ощущениям.

Он не лежал на полу коллектора. Не было ни привычного «Тишина. Сухой ветер. До Взрыва — десять минут», сказанного будто бы кем-то извне. Он просто был здесь, в библиотеке, ровно там, где его застал предыдущий Взрыв — только сама библиотека вокруг стала снова целой. Ни завала. Ни дыма. Ни красных мигающих огней в темноте между стеллажами.

Он поднял взгляд на потолок над архивным проходом — тот самый, что секунду назад в его памяти обрушивался грудой перекрытий. Сейчас потолок был идеально ровным, буд-

то ничего никогда и не рушилось.

«Значит, ещё не рухнул, — медленно сообразил Мика. — Не сейчас. Ещё не в этом цикле».

Тиканье в груди отозвалось странным, почти довольным ритмом, будто сама эта мысль была ему знакома куда лучше, чем самому Мике.

Он вдруг понял то, что раньше только смутно подозревал: весь остальной мир, каждый Взрыв, отбрасывало обратно на исходную точку — Рию на её лестницу, архивариуса к его двери, всех и каждого туда, где их застало самое начало цикла. Всех, кроме него.

Он не возвращался назад. Он просто оставался — там, где был.

От этой мысли Мике вдруг стало не по себе — не страшно, а как-то одиноко, будто он единственный, кто идёт вперёд по прямой линии, пока весь остальной мир бежит по замкнутому кругу вокруг него.

«Значит, у меня есть время, — сказал он себе, отгоняя лишние мысли. — По-настоящему есть. Не десять минут заново — а настоящая фора».

Он бросился в глубь архивного прохода, туда, где ещё вчера — минуту назад, десять минут назад, какая разница теперь — лежали под завалом стеллажи с описанием резервных деталей. Сейчас проход был свободен: длинные ряды архивных накопителей тянулись во тьму, подсвеченные тусклыми аварийными лампами, ничем не потревоженные.

Только тишина здесь тоже казалась обманчивой. Где-то в глубине зала мерно, почти незаметно гудели дежурные системы сервисных роботов — ещё спящих, ещё не разбуженных той самой поломкой, которая в прошлый раз превратила их в защитников с красными крестами вместо глаз. Мика знал теперь, что разбудит их — крик, удар, паника кого-то из людей, который неизбежно окажется здесь позже. Но не сейчас. Пока у него было немного тишины в запас.

Он побежал вдоль стеллажей, читая на ходу таблички секций: «Схемы вентиляции. Сектор 3», «Энергоснабжение. Общий контур», «Аварийные протоколы. Архив»...

Наконец, в самом дальнем углу, он нашёл нужный стеллаж: «Резервное оборудование. Каталог по секциям».

Мика лихорадочно принялся перебирать тонкие архивные накопители, вглядываясь в выцветшие ярлыки. Пальцы

дрожали — не от страха на этот раз, а от нарастающего, почти болезненного предвкушения.

И тут где-то далеко позади, у входа в библиотеку, раздался знакомый, отчаянный женский крик.

Мика замер с накопителем в руках.

Кто-то — не Рия, не архивариус, а совсем другой, незнакомый ему человек — только что, судя по всему, разбудил спящих роботов раньше срока.

Дежурный гул в глубине зала мгновенно сменился резким, тревожным нарастающим воем систем, включающихся одна за другой.

У Мики было, наверное, меньше минуты, прежде чем тот же самый кошмар, что гнал его отсюда в прошлый раз, снова покатится по проходам между стеллажами — только теперь он стоял не у входа, а в самом сердце архива, с драгоценным накопителем в руках и без единой мысли о том, как отсюда выбраться.

Глава 8. Голос между стеллажей

Вой систем разбуженных роботов прокатился по залу волной, отражаясь от высоких потолков множественным эхом, и Мика на секунду не мог понять, с какой стороны идёт опасность — казалось, она идёт отовсюду сразу.

Он прижал накопитель к груди и метнулся вдоль стеллажа, ища укрытие. Тот самый крик у входа — женский, отчаянный — стих так же резко, как начался, и это молчание пугало сильнее, чем сам крик.

— Эй! — прошептал кто-то совсем рядом, за соседним рядом полок. — Эй, ты тоже здесь застрял?

Мика замер, вглядываясь в полумрак. Между стеллажами, скорчившись за перевёрнутым архивным контейнером, сидел мальчишка примерно его возраста — тощий, взъерошенный, в форменной куртке с эмблемой станционной школы, слишком большой для его худых плеч. В руках он сжимал разбитый планшет, будто это была последняя ценная вещь во вселенной.

— Да, — так же шёпотом ответил Мика, опускаясь рядом за тот же контейнер. — Мика. А ты?

— Дэн, — мальчишка нервно улыбнулся, хотя в глазах у него плескался неприкрытый ужас. — Я тут прятался ещё с прошлого раза... то есть, — он вдруг смутился, — то есть, в смысле, с самого начала, конечно. Прятался с самого начала.

Мика насторожился.

— С прошлого раза?

Дэн отвёл взгляд, будто сболтнул лишнее.

— Забудь. Просто оговорился.

Где-то в двадцати шагах от них с грохотом опрокинулся стеллаж — судя по звуку, кто-то из роботов протискивался между рядами, задевая полки массивным корпусом. Мика зажал накопитель ещё крепче.

— Ты помнишь, — тихо, но уверенно сказал он, глядя Дэну прямо в глаза. — Ты помнишь предыдущие циклы, да?

Дэн долго молчал, комкая в руках разбитый планшет, потом медленно кивнул.

— Не всё, — прошептал он. — Не так, как, кажется, пом-

нишь ты — я же вижу, как ты двигаешься, будто знаешь каждый поворот наизусть. У меня просто... вспышки. Обрывки. Я помню, что уже прятался здесь. Помню, что в прошлый раз меня нашёл один из этих, — он мотнул головой в сторону грохота, — и я не успел даже испугаться толком, просто... всё оборвалось.

— Он тебя убил, — тихо закончил за него Мика.

Дэн сглотнул и просто кивнул ещё раз.

Мика почувствовал, как внутри груди тиканье стало вдруг тяжёлым, почти болезненным — будто оно тоже отреагировало на эти слова.

— Слушай, — сказал Мика, стараясь говорить как можно тише и спокойнее. — У меня есть план выбраться. Не идеальный, но план. Пойдёшь со мной?

Дэн посмотрел на него с недоверием, смешанным с почти детской, отчаянной надеждой — той самой надеждой, которую взрослые в этой станции давно растеряли где-то между атриумом и коридорами.

— А зачем тебе я? — тихо спросил он. — Серьёзно. У тебя план, у тебя, похоже, память обо всём, что происходит.

Зачем тебе тащить с собой лишний груз?

Вопрос застал Мику врасплох. Он открыл рот, чтобы сказать что-то практичное — «лишние руки не мешают», «вдвоём безопаснее» — но вместо этого неожиданно для самого себя сказал правду.

— Потому что я устал делать всё один, — тихо признался он. — Даже если в следующий раз ты меня не вспомнишь. Даже если это ничего не изменит. Мне нужно, чтобы хоть иногда рядом был кто-то, кому я могу сказать что-то настоящее, а не просто отдавать команды и бежать дальше.

Дэн смотрел на него несколько долгих секунд молча, и на его лице что-то дрогнуло — будто он не ожидал такого ответа от мальчишки, который явно выглядел так, будто прошёл через ад не один десяток раз.

— Ладно, — прошептал он наконец, и в этом простом слове было куда больше доверия, чем оно, казалось бы, весило. — Веди. Только... — он замялся, — если в следующий раз я тебя не узнаю, ты ведь всё равно попробуешь снова? Найти меня, я имею в виду?

Мика почувствовал, как в груди что-то болезненно сжалось — не тиканье времени, а что-то куда более челове-

ское.

— Попробую, — сказал он тихо. — Обещаю.

Грохот в соседнем ряду раздался снова, уже ближе. Сквозь щель между стеллажами мелькнул тусклый красный отблеск сканирующего луча.

— Так, план на потом, — быстро прошептал Мика, хватая Дэна за рукав куртки. — Сейчас нужно просто выжить следующие тридцать секунд. За мной, тихо, вдоль дальней стены — там, кажется, есть служебный люк для вывоза макулатурных архивов, я видел табличку, когда шёл сюда.

Они выскользнули из-за контейнера синхронно, пригнувшись, стараясь ступать бесшумно по гулкому металлическому полу. Позади них массивная тень одного из роботов качнулась в проходе, на мгновение развернув сканер в их сторону — и тут же снова качнулась в другую сторону, будто их движение затерялось среди множества других мелких звуков паникующей станции.

Мика бежал вперёд, чувствуя рядом торопливое, испуганное дыхание Дэна, и впервые за всё время цикла ощущал не только страх и тиканье в груди, но и что-то ещё — хрупкое, короткое, но настоящее чувство, что он не совсем один.

Оно, конечно, не могло длиться долго. Но пока — оно было.

Глава 9. Список из пяти пунктов

Служебный люк оказался именно там, где Мика его помнил, — узкий, покрытый слоем пыли, с проржавевшей табличкой «Вывоз макулатурных архивов. Только для персонала». Мика с трудом провернул заедающий рычаг, и они с Дэном протиснулись наружу, в короткий технический коридор, ведущий прочь от библиотеки.

Позади них ещё доносился глухой лязг растерянных роботов, мечущихся между стеллажами в поисках исчезнувшей угрозы, но с каждым шагом этот звук становился всё тише.

— Живы, — выдохнул Дэн, привалившись спиной к стене и сползая на корточки. — Ты псих, но живы.

— Ещё не до конца, — Мика опустил рядом, вытаскивая из-за пазухи архивный накопитель. Пальцы у него дрожали — не от страха на этот раз, а от нетерпения. — Давай посмотрим, что я вообще притащил.

У Дэна на поясе, помимо разбитого планшета, оказался ещё и компактный считыватель — обычный, ученический, из тех, что выдают студентам стационарной школы для домашних заданий. Он не был рассчитан на промышленные

архивные накопители, но после пары попыток и матерного слова, которое Мика мысленно взял на заметку, чтобы использовать позже, экран считывателя всё же ожил, показывая длинный текстовый список.

«КАТАЛОГ РЕЗЕРВНОГО ОБОРУДОВАНИЯ. ЧЕЛНОК ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ, МОДЕЛЬ КР-9. НЕОБХОДИМЫЕ УЗЛЫ ДЛЯ ЗАПУСКА ПРИ ОТКАЗЕ ОСНОВНОГО ПУЛЬТА:»

Дальше шёл список из пяти пунктов, и напротив каждого — короткая пометка с местом хранения.

1. Управляющий модуль резервного контура — Инженерный отсек, сектор 2.
2. Силовой конденсатор аварийного освещения — Электрощитовая, нижний ярус.
3. Топливный инжектор (запасной) — Ремонтный ангар, сектор 5.
4. Навигационный чип ближней связи — Диспетчерская вышка.
5. Силовой кабель класса «В» — Склад запчастей, сектор 3.

— Пять точек, — тихо прочитал Дэн. — За десять минут. Ты серьёзно думаешь, что это реально?

— Я не думаю, что это реально за один раз, — честно ответил Мика, вглядываясь в список так, будто хотел выжечь его в памяти намертво, на случай если этот накопитель тоже исчезнет вместе со следующим Взрывом. — Но я не обязан делать это за один раз. У меня будет ещё сколько угодно попыток. Мне просто нужно точно знать, куда идти.

— Везёт, — Дэн невесело усмехнулся, — а у меня, кажется, каждый раз будет только одна попытка, и то не факт, что я её запомню.

Мика хотел было ответить что-то ободряющее, но не успел.

Тонкий, знакомый гул тиканья в его груди вдруг резко участился, а в следующее мгновение мир вокруг него мигнул — коротко, почти незаметно, будто кто-то на долю секунды моргнул самой реальностью.

Дэн исчез.

Не рассыпался, не растворился в воздухе эффектно — просто в одно мгновение его не стало рядом, будто он никогда и не сидел здесь, привалившись к стене, будто вся их короткая совместная передышка была лишь Микиным сном.

Мика замер, глядя на пустое место у стены. Считыватель со списком тоже пропал — вместе с Дэном, вместе с его дрожащими руками и его усталой полуулыбкой.

«Сброс, — понял Мика с холодной, тяжёлой ясностью. — Но не для меня».

Он сидел один в пустом техническом коридоре, и вокруг него — судя по едва уловимой перемене в шуме станции — снова была ровно та самая точка, десять новых минут, отсчитывающихся заново для всех, кроме него.

— Я снова один, — тихо сказал он в пустоту, и звук собственного голоса показался ему неожиданно громким в этой тишине.

Он посидел так ещё секунду, позволяя себе одну-единственную секунду настоящей усталости — не физической, а той, другой, куда более тяжёлой, — а потом заставил себя подняться.

Список он помнил наизусть. Пять пунктов. Пять точек станции. Начинать нужно было с ближайшей.

Инженерный отсек сектора 2 встретил его хаосом со-
рванных панелей, оборванных кабелей под ногами и режу-
щим, прерывистым воем аварийной сирены, отражавшимся
от низкого потолка.

Мика проскользнул внутрь, вглядываясь в ряды настен-
ных шкафов в поисках нужной маркировки. Управляющий
модуль резервного контура должен был быть где-то здесь —
по крайней мере, так утверждал список, а список пока ни
разу его не подвёл.

Он нашёл шкаф в дальнем углу, за перевёрнутым верста-
ком, — и замер.

У шкафа, привалившись к стене, сидел человек — инже-
нер в разодранном комбинезоне, зажимая ладонью глубокий
порез на предплечье. Кровь уже пропитала рукав насквозь,
капая на пол медленными, тяжёлыми каплями. Рядом с ним,
брошенный на пол, валялся разводной ключ со следами све-
жей крови на рукояти — судя по всему, орудие не чужого на-
падения, а его собственной неудачной попытки вскрыть что-
то силой.

Увидев Мику, инженер вздрогнул, попытался отодвинуть-
ся, но тут же зашипел от боли и замер.

— Ты кто? — прохрипел он, настороженно щурясь. — Ремонтник? Спасатель?

— Просто... мимо проходил, — уклончиво ответил Мика, не сводя взгляда с раненой руки. — Вам нужна помощь?

Инженер издал короткий, лишённый веселья смешок.

— Помощь. Ну да. Знаешь, сколько народу за последние восемь минут предложило мне помощь, а потом воспользовалось моей слабостью, чтобы обчистить этот шкаф? — он мотнул подбородком в сторону настенного хранилища за своей спиной. — Трое. Я одному чуть руку не сломал, отбиваясь. Прости, если не горю желанием снова тебе довериться, парень.

— Я не за вашими вещами пришёл, — тихо сказал Мика, присаживаясь на корточки на безопасном расстоянии. — Мне нужен только один модуль. Управляющий, резервного контура. Мне не нужно ничего больше.

— Один модуль, значит, — инженер прищурился, разглядывая его с недоверием, смешанным с усталым любопытством. — И что дальше, сдашь меня остальным падальщикам за пару лишних минут форы?

— Дальше я уйду, — просто сказал Мика. — А вы останетесь здесь, с чем останетесь. Мне правда всё равно, что вы будете делать дальше — я не за этим сюда шёл.

Что-то в его голосе, лишённом привычной жадности или страха, заставило инженера ненадолго замолчать. Он посмотрел на свою окровавленную руку, потом снова на Мика — уже иначе, без прежней настороженности.

— Знаешь, — тихо сказал он, — за всё это утро ты первый, кто не попытался соврать мне что-то красивое про «мы вместе выберемся» или «я тебе ничего не сделаю, честное слово». Ты просто сказал правду. Это... неожиданно освежает, если так вообще можно сказать в такой момент.

— У меня нет времени на красивую ложь, — Мика позволил себе слабую, невесёлую улыбку. — Простите. Наверное, это грубо звучит.

— Нет, — инженер покачал головой, и в его усталых глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на тепло. — Это по-своему честно. А честность здесь, кажется, куда более редкий ресурс, чем этот твой модуль.

Он с трудом поднялся на ноги, придерживая раненую ру-

ку, и сам, неловко, одной рукой, откинул щеколду шкафа.

— Забирай, — сказал он. — Раз тебе правда нужен только он. И... — он замялся, будто сам удивляясь тому, что собирался сказать, — если каким-то чудом выберешься отсюда — просто помни, что не все здесь такие уж падальщики, ладно? Некоторые из нас просто очень, очень напуганы.

Мика забрал модуль дрожащими от волнения руками — не от опасности на этот раз, а от того тёплого, неожиданного узла, который завязался у него внутри груди, где-то рядом с привычным тиканьем.

— Спасибо, — тихо сказал он. — За модуль. И за то, что сказали это.

Инженер слабо, устало улыбнулся в ответ — и в этот момент где-то за пределами отсека раздался нарастающий гул, отдалённый, но безошибочно узнаваемый предвестник конца очередных десяти минут.

— Беги, парень, — сказал инженер тихо. — Пока ещё можешь.

Мика сжал модуль в руках и бросился к выходу, а свет вокруг него уже начинал наливаться первым, ещё слабым от-

блеском грядущей белой вспышки.

Глава 10. Электрощитовая

Электрощитовая нижнего яруса встретила Мику гулким жужжанием перегруженных трансформаторов и резким запахом палёной изоляции. Дверь была приоткрыта — кто-то уже пытался вскрыть кодовый замок и, судя по обугленной панели, преуспел не самым аккуратным способом.

Внутри, среди рядов гудящих распределительных шкафов, Мика увидел две фигуры.

Один — крепкий парень лет семнадцати в комбинезоне ремонтной службы, с разбитой в кровь костяшкой на кулаке, судя по всему, только что оставленной на той самой обугленной панели. Второй — девушка помладше, лет пятнадцати, в наспех наброшенной куртке не по размеру, держащая в руках фонарь и старую бумажную схему проводки, водя лучом по рядам шкафов.

— Тут его нет, — раздражённо сказала девушка. — Я же говорила, конденсаторы аварийного освещения должны быть в третьем ряду, а не в первом!

— Так иди и проверь третий, раз такая умная, Ксюш, — огрызнулся парень, тряся ушибленной рукой.

Оба обернулись, услышав шаги Мики, и на мгновение застыли в настороженных, привычных уже позах — готовые то ли бежать, то ли драться.

— Ещё один, — устало выдохнул парень. — Тимур, — представился он тут же, впрочем, без особой теплоты в голосе. — А это Ксюша, моя сестра. Тебе тоже конденсатор нужен, что ли? Так проходи, не жалко, тут этих шкафов на весь сектор хватит, если найдём нужный.

— Нужен, — осторожно подтвердил Мика, не сразу веря в такое спокойное отношение. — Мика.

— Не бойсь, — Ксюша слабо, устало улыбнулась, продолжая водить фонарём по схеме. — Мы тут не за территорию воюем. Нам бы самим выбраться живыми, а не чужие конденсаторы делить.

— Выбраться? — Мика насторожился. — У вас есть план?

Тимур и Ксюша быстро переглянулись.

— Есть наводка на челнок техобслуживания, — осторожно сказал Тимур. — Кто-то из инженеров упоминал по связи

ещё до того, как всё это началось. Но без запасного конденсатора аварийка ни черта не запустит стартовую цепь, вот мы и застряли тут, роемся в потёмках, вместо того чтобы бежать к нему напрямую.

Мика похолодел — и тут же почувствовал странный, азартный укол надежды.

— Тот же челнок, — тихо сказал он. — Модель КР-9?

Ксюша удивлённо вскинула фонарь, осветив его лицо.

— Ты откуда знаешь?

— У меня список деталей, — быстро сказал Мика. — Полный. Все пять точек, где что искать. Мне тоже нужен этот конденсатор — для того же самого челнока.

Тимур с Ксюшей снова переглянулись, на этот раз куда внимательнее, будто заново оценивая стоящего перед ними мальчишку.

— Хорошо, — медленно сказал Тимур. — Тогда предлагаю не толкаться локтями, а сработать вместе. У тебя список — у нас руки и, — он постучал по гудящему шкафу, — кое-какое понимание, как эта техника вообще устроена. Найдём

конденсатор — и почему бы не улететь всем вместе, если места хватит?

— Хватит, — соврал Мика, не до конца зная, хватит ли на самом деле, но не желая портить единственный за долгое время момент настоящего, бескорыстного союзничества.

Работали быстро. Ксюша водила лучом фонаря по рядам, сверяясь со схемой, Тимур вскрывал панели одну за другой мозолистыми, уверенными руками, а Мика проверял маркировку, которую помнил из архивного списка почти наизусть.

— Третий ряд, вторая секция снизу! — выкрикнула наконец Ксюша, и в её голосе прозвучало что-то похожее на настоящую, не выстраданную страхом радость.

Тимур вскрыл нужную панель, и Мика своими руками, обжигаясь о всё ещё тёплый корпус, вырвал искомый конденсатор из гнезда.

— Есть, — выдохнул он, прижимая деталь к груди рядом с уже добытым раньше модулем. — Есть, чёрт возьми, есть!

Тимур хлопнул его по плечу — крепко, по-настоящему, без опаски, — а Ксюша рассмеялась, впервые за весь разговор позволив себе что-то похожее на облегчение.

— Значит, дальше — вместе, — сказала она. — К ремонтному ангару, за инжектором, а потом к челноку. Мика, ты за старшего по маршруту — ты один тут, кажется, знаешь, куда идти.

— Вместе, — тихо повторил Мика, и это слово отозвалось в груди чем-то тёплым, почти пугающе непривычным на фоне вечного, монотонного тиканья.

Они уже шагнули к выходу из электрощитовой, всё ещё оживлённо обсуждая маршрут, когда тиканье в груди Мики вдруг оборвалось резким, оглушительным скачком.

Мир мигнул.

Тимур и Ксюша исчезли — так же мгновенно и беззвучно, как когда-то исчез Дэн, — оставив после себя только гул шкафов, запах палёной изоляции и звенящую, невыносимую тишину там, где секунду назад звучал чей-то смех.

Мика замер посреди опустевшей электрощитовой, чувствуя, как рука его до сих пор сжимает пустоту там, где только что было крепкое, дружеское плечо Тимура.

— Вместе, — повторил он одними губами, уже ни к кому

не обращаясь, и голос его дрогнул сильнее, чем от любого предыдущего Взрыва.

Вокруг него снова была та же самая точка, тот же гул трансформаторов, то же начало нового, никому, кроме него, не знакомого отсчёта.

Десять минут. Заново.

Глава 11. Ремонтный ангар

Ещё на подходе к сектору 5 Мика услышал гул — низкий, мощный, совсем не похожий на панический ор атриума или скрежет обезумевших роботов. Это был гул работающих маршевых двигателей.

Он выглянул из-за угла технического коридора — и замер.

Ремонтный ангар оказался огромным, в несколько этажей, залом с высокими сводчатыми потолками, заставленным рядами челноков разных моделей — от маленьких одноместных капсул до тяжёлых грузовых барж. Здесь было людно, как нигде на станции: десятки, если не сотни фигур метались между кораблями, толкались у трапов, тащили ящики с оборудованием, кричали друг на друга поверх гула двигателей.

В дальнем конце ангара, у распахнутых воротах внешнего шлюза, один из челноков — большой, пассажирский, судя по обшивке — уже отрывался от палубы, подсвеченный снизу ослепительным факелом маршевых сопел. Толпа внизу взревела — то ли завистью, то ли отчаянием — когда стало ясно, что этому кораблю точно хватило мест не для всех, кто на него надеялся.

Мика вжался в тень у входа, окидывая взглядом хаос перед собой. Топливный инжектор, если верить архивному списку, должен был находиться где-то у дальней стены, в техническом отсеке рядом со стапелем номер семь. Между ним и этим отсеком лежала вся ширина забитого людьми ангара.

«Незаметно, — сказал он себе. — Только незаметно».

Он двинулся вдоль стены, стараясь держаться в тени опорных колонн, минуя группы людей, которые либо дрались за инструменты, либо в отчаянии ковырялись в заглухших двигателях собственных челноков.

На середине пути, огибая штабель контейнеров, он вдруг замер, как вкопанный.

В десяти шагах от него, у распахнутого капота небольшого технического челнока, стояли трое.

Высокий, сутулый инженер — Марк, вспомнил Мика с ледяным, мгновенным узнаванием, вспомнил разводной ключ, просвистевший у самого его лица, вспомнил дикий, звериный ужас в глазах этого человека в туннеле. Рядом с ним — двое сварщиков с горелками в руках, один из которых когда-то с наслаждением визжал «Убей его, Марк! Убей!».

Они не узнавали его — для них, как и для всех остальных, каждая встреча была первой. Но для Мики их лица горели в памяти ярче любого архивного списка.

Марк что-то раздражённо орал одному из сварщиков, тыча пальцем в открытый двигательный отсек, а второй сварщик, тот самый, с плазменной горелкой, нервно оглядывался по сторонам — точно так же, как в тот раз, готовый в любой момент пустить факел в ход против первого, кто покажется угрозой.

Мика знал, чем это заканчивается, если подойти слишком близко. Знал совершенно точно, до дрожи в коленях.

Он попятился, вжимаясь спиной в контейнер, и попытался обойти троицу по широкой дуге, через соседний ряд ступеней.

Но именно в этот момент один из сварщиков, резко обернувшись, заметил его боковым зрением.

— Эй! — заорал он, вскидывая горелку. — Ты кто такой? Ты что тут вынюхиваешь?

— Я не... — начал было Мика, но договорить не успел.

— Он с той стороны идёт, откуда контейнеры с запчастями тащат! — взвизгнул второй сварщик, тыча пальцем. — Он что-то у нас спереть хочет, Марк!

Марк резко развернулся, и Мика с ужасом узнал в его глазах ту же самую слепую, паническую ярость, что когда-то чуть не стоила ему жизни в тёмном туннеле.

— А ну стоять! — рявкнул Марк, хватая с земли тяжёлый гаечный ключ.

Мика не стал спорить и не стал объяснять. Он рванул в сторону, ныряя между двумя ближайшими стапелями, петляя между грудями инструментов и брошенных ящиков, слыша за спиной злые крики и грохот опрокидываемого оборудования.

Он бежал вслепую, не разбирая дороги, лишь бы подальше от узнаваемой троицы, и очень быстро понял, что окончательно потерял ориентацию в лабиринте челноков и контейнеров. Отсек у стапеля номер семь, где по идее должен был находиться нужный инжектор, теперь мог быть где угодно — слева, справа, за любым из десятков одинаковых металлических рядов.

Крики позади него постепенно стихли — похоже, Марк

со своими сварщиками либо потерял его из виду в толпе, либо просто вернулся к собственной, куда более насущной проблеме с заглушим двигателем.

Но легче Мике от этого не стало.

Он остановился, тяжело дыша, привалившись к холодному борту какого-то безымянного челнока, и огляделся. Ангара вокруг него бурлил тем же хаосом — крики, отчаянные попытки завести двигатели, редкие вспышки драк за место у трапов, — а откуда-то издалека снова донёсся рёв стартующих сопел: ещё один корабль, ещё одна горстка счастливых, вырвавшихся вверх, в темноту, оставляя позади толпу тех, кому не хватило места.

Тиканье в груди Мики становилось всё тяжелее, всё настойчивее — верный признак того, что времени оставалось всё меньше.

Он огляделся в поисках указателя стапеля номер семь, но так и не смог понять, в какую сторону теперь идти.

Гул нарастающего Взрыва настиг его раньше, чем он успел сделать хоть шаг в верном направлении.

Глава 12. Стапель номер семь

В этот раз указатель нашёлся почти сразу — тусклая, наполовину облупившаяся табличка «7» над низким технологическим отсеком в дальнем углу ангара, там, где ряды безымянных челноков заканчивались грудой списанного оборудования.

Мика проскользнул внутрь, стараясь не привлекать лишнего внимания, и увидел то, что искал, — топливный инжектор, аккуратно закреплённый в транспортировочном стеллаже, будто кто-то заранее готовил его к отправке и просто не успел донести до места назначения.

Он схватил деталь обеими руками, крепко прижал к груди рядом с уже собранными модулем и конденсатором, и на мгновение позволил себе почувствовать что-то похожее на облегчение.

Это мгновение длилось недолго.

Снаружи, со стороны главного входа в ангар, вдруг раздался нарастающий, многоголосый рёв — не крик паники, а рёв толпы, вваливающейся куда-то разом, единым, неудержимым потоком. Мика выглянул из отсека — и обмер.

В ангар хлынули люди. Десятки, если не сотни фигур разом ломались через главные ворота — судя по обрывкам криков, кто-то по громкой связи объявил об открытии дополнительного эвакуационного маршрута именно через ремонтный сектор, и вся эта обезумевшая, растерянная масса людей ринулась сюда в отчаянной надежде успеть хоть на какой-нибудь корабль.

Мика не успел спрятаться обратно в отсек — толпа заполонила пространство перед ним слишком быстро, отрезая путь назад так же надёжно, как и путь вперёд.

Его подхватило и потащило вместе с общим потоком, как щепку в бурном течении. Со всех сторон толкались локти, чьи-то ноги наступали на его ступни, кто-то оглушительно кричал прямо над ухом название какого-то шаттла, которого здесь, возможно, даже не было.

Мика прижал инжектор к груди изо всех сил, боясь его выронить в этой давке, и попытался протиснуться вбок, к стене, подальше от основного потока.

— Эй, пацан! — вдруг рывкнул кто-то совсем рядом — грузный мужчина в разодранной рабочей форме, с безумными, налитыми кровью глазами. — Ты куда пробираешься, а?

К челноку рвёшься без очереди, мелкий паразит?!

— Я не... — начал было Мика, но мужчина уже не слушал.

Он схватил Мику за шиворот с неожиданной для своего грузного телосложения силой и рванул на себя, занося кулак для удара.

— Место моё! — прохрипел мужчина. — Моё, слышишь?! Я не позволю какому-то сопляку меня опередить!

Мика зажмурился, вжав голову в плечи, чувствуя себя абсолютно беспомощным среди этой обезумевшей массы тел, — ни увернуться, ни оттолкнуть его руками, занятыми драгоценным инжектором, он не мог.

Удар так и не долетел.

Что-то — вернее, кто-то — с разбегу врезался в грузного мужчину сбоку, сбивая его с ног прежде, чем кулак успел коснуться Микиного лица. Мужчина с рёвом повалился в толпу, увлекая за собой ещё нескольких человек, а Мика, ошалело моргая, увидел рядом с собой знакомую фигуру с обрезком трубы в руках.

— Рия?! — выдохнул он, не веря собственным глазам.

— Некогда объяснять! — рявкнула она, хватая его свободной рукой за рукав. — Бежим, живо!

Она врезалась в толпу плечом вперёд, прокладывая путь короткими, злыми ударами трубы по чужим локтям и спинам — не насмерть, не жестоко, но достаточно жёстко, чтобы освободить хоть немного пространства. Мика держался вплотную за её спиной, обеими руками прижимая инжектор к груди, стараясь не отстать ни на шаг.

— Откуда ты здесь взялась?! — прокричал он сквозь гул толпы.

— Шла к нижним шлюзам, как и говорила! — откликнулась Рия, с силой отпихивая кого-то плечом. — Эта чёртова толпа меня сюда занесла так же, как и тебя, можно подумать!

Они пробивались через людской поток метр за метром — иногда Рия просто тащила Мику за собой сквозь узкие просветы между телами, иногда приходилось останавливаться, вжимаясь в борт очередного челнока, пропуская особенно яростный людской вал.

Наконец впереди показался боковой технический выход

— узкая дверь, почти незаметная за рядами контейнеров, которую основная масса толпы, ослеплённая жаждой добраться до главных кораблей, просто не замечала.

— Туда! — выкрикнула Рия, толкая Мику вперёд.

Они вывалились в короткий, почти пустой коридор за дверью, и грохот толпы позади них мгновенно приглушился, отрезанный захлопнувшейся тяжёлой дверью.

Мика привалился спиной к стене, тяжело дыша, всё ещё сжимая инжектор так крепко, что побелели костяшки пальцев. Сердце колотилось где-то в горле.

— Спасибо, — выдохнул он, глядя на Рию. — Серьёзно. Если бы не ты...

— Если бы не я, тебя бы там просто затоптали или прибили за место, которого даже не было, — резко ответила Рия, но в её голосе, несмотря на резкость, слышалось что-то похожее на облегчение — не меньшее, чем у самого Мики. — Тебе повезло, что я вообще узнала тебя в этой каше.

Мика молча кивнул, только теперь в полной мере осознавая, насколько близко подошёл к тому, чтобы всё закончилось прямо там, в этой безликой, обезумевшей толпе, — не

от Взрыва, не от машин, не от петли, а просто от чужого, слепого отчаяния, ищущего, на ком выместить страх.

Если бы Рия не оказалась рядом в ту самую секунду — по чистой, непредсказуемой случайности, — его бы уже не было.

— Ты как? — тихо спросил он, вглядываясь в её лицо. — Цела?

— Жива, — коротко ответила Рия, оседая на пол рядом с ним и наконец позволяя себе выдохнуть. — Что у тебя там? — она кивнула на инжектор в его руках.

— Третий пункт из пяти, — Мика слабо, устало улыбнулся, чувствуя, как тиканье в груди на мгновение будто бы смягчилось, отступило хоть немного. — Ещё две точки — и, может быть, у нас будет шанс.

— У нас, значит, — Рия посмотрела на него искоса, и в её усталых глазах впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на настоящую, невынужденную теплоту. — Ладно, генний. У нас.

Глава 13. Дорога наверх

От бокового выхода ангара до диспетчерской вышки, если верить старой карте станции, было всего минут пять ходьбы. Рия оценила это со свойственной ей мрачной прямоотой:

— Пять минут в мире, где всё горит и рушится, — это целая жизнь, Мика. Или, наоборот, вообще ничего. Смотря кому как повезёт.

Им не повезло почти сразу.

В первом же коридоре, ведущем к соединительному мостику, они наткнулись на женщину, сидящую прямо на полу, привалившись спиной к стене. Нога у неё была неестественно вывернута, из разорванной штанины сочилась кровь, пропитавшая уже приличный кусок пола вокруг.

— Помогите, — прохрипела она, увидев их. — Пожалуйста... я не могу идти сама...

Мика дёрнулся было к ней, но Рия перехватила его за локоть.

— Мы не донесём её до вышки, — тихо, но твёрдо сказа-

ла она. — Даже если попытаемся — мы просто все трое не успеем никуда, и Взрыв застанет нас здесь же, в этом коридоре.

— Мы не можем просто её бросить!

— У меня есть аптечка, — женщина неожиданно слабо улыбнулась, доставая из кармана комбинезона потрёпанную коробочку. — Мне не нужно, чтобы вы меня несли. Мне бы просто помочь наложить жгут — а дальше я сама, ползком, но доберусь.

Мика присел рядом, дрожащими руками помогая затянуть жгут на раздробленной ноге, стараясь не думать о драгоценных секундах, утекающих сквозь пальцы вместе с этим простым, но необходимым действием. Женщина стиснула зубы, не издав ни звука, только на глазах у неё выступили слёзы боли.

— Спасибо, — выдохнула она, когда жгут наконец затянулся. — Идите. Правда. У вас, может, ещё есть шанс успеть куда-то. У меня — уже вряд ли, но хоть ползком да отползу подальше от эпицентра.

Они побежали дальше, и Мика на бегу так и не решился обернуться, зная заранее, что увидит.

Следующий поворот вывел их к развилке, перегороженной обвалившейся секцией потолка. Под грудой обломков виднелась неподвижная рука, зажатая между бетонными плитами, — уже не сжимавшаяся, не дёргавшаяся, безнадежно, окончательно неподвижная.

Рия отвела взгляд первой.

— Не смотри, — тихо сказала она Мике. — Просто не смотри. Здесь мы уже ничего не сможем сделать, а ты это и сам знаешь.

Мика всё равно посмотрел — короткий, обжигающий взгляд, — и внутри груди тиканье болезненно кольнуло, будто отмечая ещё одну потерю в незримом, бесконечном счёте, который вело внутри него само Время.

За обвалом обнаружился обходной путь через смотровую галерею — узкий балкон, нависающий над техническим двором станции. Здесь Мика впервые за долгое время увидел настоящую, редкую картину надежды: маленькая группа лю-

дей — трое взрослых и ребёнок, крепко держащийся за руку одного из них, — торопливо, но организованно двигалась к аварийному спасательному модулю, установленному на краю двора. Один из взрослых на ходу отдавал короткие, чёткие команды, остальные слушались беспрекословно, без паники.

— Смотри, — тихо сказала Рия, кивая на них. — Не все здесь звери. Иногда кому-то везёт оказаться рядом с тем, кто не теряет голову.

Мика смотрел, как они забираются в модуль, как захлопывается люк, как сам модуль с гулким хлопком отстреливается прочь от станции, — и позволил себе на мгновение почувствовать что-то похожее на настоящую, редкую радость за совершенно незнакомых людей.

Это чувство продержалось недолго.

Уже у самого подножия диспетчерской вышки путь им преградила ещё одна сцена — куда менее обнадеживающая. У основания лестницы, ведущей наверх, метался человек в форме station security, зажимая рукой окровавленный бок, а за ним, шагах в десяти позади, неспешно, уверенно приближались двое — тоже в форме, но с совсем другим выраже-

нием на лицах.

— Ты нас подставил! — рычал один из преследователей.
— Заблокировал шлюз четвёртого уровня специально, чтобы самому пробраться первым, да?!

— Я не... это была ошибка, я не хотел... — раненый попытился, врезавшись спиной в стену у самой лестницы.

Мика и Рия замерли поодаль, в тени, не решаясь ни вмешаться, ни пройти мимо незамеченными.

— Нам нужно наверх, — прошептала Рия. — А единственный путь — как раз через эту лестницу.

— Мы не можем просто прошмыгнуть мимо этого, — так же шёпотом ответил Мика, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота при виде занесённого над раненым кулака одного из преследователей.

— А что ты предлагаешь? Ввязаться втроём драться с двумя злыми, вооружёнными охранниками? — резко прошептала Рия. — Мика. Мы не можем спасти всех. Мы уже дважды в этом убедились сегодня.

Раздался глухой удар и короткий, оборвавшийся вскрик.

Мика зажмурился на мгновение, стиснув зубы, чувствуя, как внутри него борются два одинаково невыносимых чувства — острое желание броситься на помощь и не менее острое, холодное понимание, что у него просто нет на это ни сил, ни права рисковать единственным шансом станции на спасение ради одной, уже почти решённой судьбы.

Когда крики наконец стихли, а преследователи, не заметив притаившихся в тени Мику и Рию, двинулись прочь, обратно тем же путём, каким пришли, Мика открыл глаза.

— Пошли, — тихо сказала Рия, беря его за руку. — Пока путь свободен.

Они молча поднялись по лестнице, стараясь не смотреть на неподвижную фигуру, оставшуюся лежать у её подножия, и оба знали — без единого сказанного вслух слова, — что этот образ останется с ними куда дольше, чем продлятся сами эти десять минут.

Впереди, наверху, уже виднелась массивная дверь диспетчерской вышки — их четвёртая цель, куда ближе теперь, чем когда-либо, и куда тяжелее давшаяся, чем показывал любой архивный список.

Глава 14. Красный горизонт

Тишина. Сухой ветер. До Взрыва — снова ровно десять минут.

Мика не почувствовал знакомого рывка пробуждения — он просто понял, оглядевшись, что снова один. Ступени диспетчерской вышки под его ногами остались теми же, воздух — тем же, застоявшимся, пропахшим гарью, но рядом больше не было ни трубы, ни знакомого усталого голоса.

— Рия, — тихо позвал он в пустоту, хотя знал заранее, что ответа не будет.

Не было ответа.

Он постоял так секунду, позволяя себе привычную уже вспышку одиночества — короткую, острую, почти ставшую частью ритма его собственного сердца, — а потом двинулся дальше, вверх по лестнице, к тяжёлой двери на самом верху вышки.

Дверь поддалась на удивление легко.

За ней открылась смотровая площадка — стеклянный ку-

пол, охватывающий половину горизонта, и, шагнув за порог, Мика впервые за всё это бесконечное, изломанное множество циклов остановился не от страха, а от того, что перед ним развернулось.

Марс за куполом был красным. Не тем плоским, книжным красным, каким его рисуют в детских учебниках, а живым, переливающимся, будто сама планета дышала под тонкой вуалью разреженной атмосферы. Ближе к горизонту песок отливал ржавой охрой, дальше, к закату, сгущался в глубокий, почти винный багрянец, а прямо над головой небо истончалось до нежного, выцветшего розовато-персикового оттенка — совсем не похожего на привычную земную синеву, но по своему завораживающего.

Солнце здесь казалось меньше и тусклее земного — бледный, холодноватый диск, повисший низко над зубчатой линией далёких кратеров, — но именно эта его скромность придавала всему пейзажу особую, хрупкую нежность, будто сам свет здесь ступал по планете на цыпочках, боясь потревожить многовековую тишину.

Вдалеке, у самого горизонта, вздымались рыжие барханы дюн, застывшие волнами, будто ветер, слепивший их тысячами, замер на миг, чтобы дать кому-то время полюбоваться результатом своей неспешной работы. Ещё дальше

синели зубцы горного хребта, припорошенные тонкой изморозью углекислого инея, а над самой линией горизонта, в глубине темнеющего неба, уже проступали два маленьких, стремительных пятнышка — Фобос и Деймос, спешащие по своим низким, торопливым орбитам, будто даже спутники этой планеты не могли позволить себе роскошь неторопливости.

Ветер за куполом поднимал тонкую алую пыль, закручивая её в короткие, изящные смерчи, которые тут же рассыпались, теряя форму, — мимолётные, невесомые скульптуры из ржавого песка. Где-то у подножия вышки виднелись ряды тепличных куполов колонии, тускло поблёскивающие в вечернем свете, и Мике на мгновение стало мучительно, невыносимо горько от мысли, что вся эта хрупкая, невероятная красота через считанные минуты снова будет разорвана в клочья огнём и грохотом Взрыва — а после начнётся заново, безучастная к тому, сколько раз она уже погибала для всех, кроме него.

— Красиво, да? — раздался вдруг тихий, надтреснутый голос.

Мика вздрогнул и обернулся.

В глубине смотровой площадки, у панели управления, си-

дел мужчины средних лет в форме станционного диспетчера — сидел прямо на полу, привалившись спиной к погасшему пульту, сложив руки на коленях в жесте, до странности похожем на молитву. Погоны на его форме были расстёгнуты, фуражка валялась рядом, забытая.

— Красиво, — тихо согласился Мика, подходя ближе, но держась на безопасном расстоянии. — Вы диспетчер?

— Был, — мужчина невесело усмехнулся, не поднимая глаз от сложенных рук. — Час назад ещё был. Деймон, если тебе от этого легче. Сейчас я просто человек, который смотрит на самый красивый закат в своей жизни и знает совершенно точно, что он последний.

— Почему последний? — Мика подошёл ещё ближе, чувствуя, как в груди снова, глухо, требовательно застучало тиканье. — Ещё есть время. Ещё можно попытаться улететь.

Диспетчер наконец поднял взгляд — усталый, опустошённый, без единой искры надежды.

— Мальчик, — сказал он мягко, почти с сожалением, — никто не улетит. Ни ты, ни я, ни те бедолаги, что дерутся сейчас за место в ангаре. Орбитальная механика не прощает истерик. Даже если бы у нас было десять исправных чел-

ноков вместо двух полуразбитых, для выхода на безопасную траекторию нужно правильное окно запуска, которое я — единственный человек на этой станции, способный его рассчитать, — уже упустил ещё восемь минут назад, когда сидел здесь, парализованный, и смотрел, как гаснут датчики систем управления одна за другой.

— Значит, всё бесполезно? — голос Мики дрогнул.

— Всё было бесполезно ещё до того, как ты родился, — диспетчер горько усмехнулся собственным словам. — Знаешь, что стоит вон там, под нами, в самом сердце станции? Не обычный реактор. Экспериментальный контур. Учёные — умные, амбициозные, до смешного самоуверенные учёные — уже больше года пытались провести здесь эксперимент по локальному управлению временем. Замедлить его, ускорить, замкнуть в петлю ради каких-то теоретических исследований, значения которых я, простой диспетчер, никогда толком не понимал. Мне присылали сводки по энергопотреблению для отчётности, вот и всё, что я знал.

Мика похолодел, чувствуя, как каждое слово диспетчера ложится в его память тяжёлым, ледяным камнем.

— Управление временем, — эхом повторил он.

— Именно, — диспетчер кивнул, глядя куда-то мимо Мики, в багровеющую даль марсианского заката. — И вот результат их гениальности — контур не выдержал собственной нагрузки. Все их изящные уравнения, все их патенты и амбиции сгорят вместе с этой станцией через несколько минут, и уже навсегда, без права на пересдачу. Знаешь, что самое смешное, мальчик? Я до сих пор не уверен, злюсь я на них или благодарен им за то, что успел увидеть этот закат в последний раз настолько ясно, насколько вообще способен видеть человек, которому больше нечего терять.

Он снова опустил взгляд на свои сложенные руки, и Мика вдруг понял, что тихое, едва слышное бормотание, которое он принял за дыхание, на самом деле было словами — простыми, старыми, полузабытыми словами молитвы, которую диспетчер, видимо, не произносил вслух уже очень много лет.

— И это правда конец? — тихо спросил Мика. — Для всех?

— Для станции — да, — диспетчер поднял на него взгляд, и в этом взгляде впервые мелькнуло что-то похожее на настоящее, невынужденное сочувствие. — А для тебя, парень... не знаю. У тебя странные глаза. Слишком взрослые для такого юного лица. Такие глаза бывают у людей, повидавших

куда больше, чем должен видеть человек за одну-единственную жизнь.

Тиканье в груди Мики вдруг застучало оглушительно громко, будто в ответ на эти слова, а марсианское небо за куполом начало медленно, неотвратимо наливаться первым, ещё бледным отсветом приближающейся белой вспышки.

— Иди, мальчик, — тихо сказал диспетчер, вновь складывая руки в молитвенном жесте. — Иди и делай, что должен, до самого конца. А я, пожалуй, останусь здесь и посмотрю на этот закат ещё раз. Хотя бы отсюда он того стоит.

Глава 15. Секунда, которую сотрут

Диспетчер снова замолчал, вернувшись к своей беззвучной, привычной уже молитве, а Мика ещё долго стоял неподвижно, не в силах сдвинуться с места.

«Экспериментальный контур. Управление временем. Учёные, которые сами не понимали, во что играют».

Слова диспетчера крутились в голове, наслаиваясь одно на другое, не желая укладываться во что-то цельное. Если это правда — если станция все эти месяцы была не просто энергетическим узлом, а полигоном для чьих-то амбициозных экспериментов над самим временем, — то тиканье в его собственной груди вдруг переставало казаться случайным уродством, странной мутацией. Оно начинало казаться частью какого-то куда большего, тщательно продуманного плана, в котором Мике, по всей видимости, досталась роль, которую он даже отдалённо не мог себе представить.

Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли — не сейчас, не хватало времени копаться в себе, когда навигационный чип всё ещё лежал где-то в этой самой вышке, в паре шагов от него.

— Мне нужен чип ближней связи, — тихо сказал он диспетчеру. — Навигационный. Он должен быть где-то в диспетчерской панели.

Диспетчер, не открывая глаз, слабо махнул рукой в сторону погасшего пульта у дальней стены.

— Второй разъём слева, — пробормотал он, не прерывая молитвы. — Синяя маркировка. Забирай, если тебе от этого легче, мальчик. Мне уже всё равно.

Мика подошёл к пульту, дрожащими от усталости пальцами нащупал нужный разъём и аккуратно вытащил тонкую, продолговатую пластину чипа, пряча её в карман куртки рядом с остальными деталями.

Внутри у него давно уже пересохло — не от страха, а от самой обычной, унизительно человеческой жажды. Губы потрескались, горло драло при каждом вдохе горячего, пропахшего гарью воздуха. Он огляделся, ища хоть какой-то источник воды, и заметил в углу смотровой площадки маленький технический кулер для персонала — помятый, покрытый пылью, но, кажется, всё ещё исправный.

Он подошёл, нажал на рычаг, и в подставленные ладони с тихим бульканьем полилась тёплая, отдающая металлом во-

да. Мика жадно, торопливо напился, чувствуя, как каждая капля отдаётся почти болезненным облегчением где-то в пересохшем горле.

— Даже сейчас, — тихо сказал диспетчер, наблюдая за ним из-под полуприкрытых век, — человеку нужна простая вода. Забавно, правда? Мир рушится, время сходит с ума, а тело всё равно требует своего — пить, дышать, жить ещё хоть немного.

Мика ничего не ответил, вытирая губы тыльной стороной ладони. Он подошёл к куполу, снова взглянул на марсианский закат — теперь уже не столько с восхищением, сколько с горькой, щемящей тоской человека, прощающегося с чем-то, что никогда по-настоящему ему не принадлежало.

Тиканье в груди становилось всё тяжелее, всё настойчивее.

Он знал этот ритм слишком хорошо. Взрыв был близко.

— Осталось немного, — тихо сказал он, не зная толком, кому он это говорит — диспетчеру, себе самому или самому Времени, застрявшему где-то у него внутри.

И тут диспетчер вдруг открыл глаза.

Не медленно, не сонно — резко, будто его окатили ледяной водой. Он вскинул голову, глядя на что-то за спиной Мики — на нарастающее, едва уловимое дрожание воздуха у самого горизонта событий, которое сам Мика чувствовал не глазами, а всем своим существом.

— Беги! — вдруг закричал диспетчер, вскакивая на ноги так резко, будто в нём в последний момент проснулась вся та сила и решимость, которую он растерял где-то за долгие минуты бессильной молитвы. — Мальчик, беги отсюда, слышишь?! Беги!!

Мика дёрнулся к двери — инстинкт, вбитый в него десятилетиями прошлых циклов, — но что-то в голосе диспетчера, в его внезапной, отчаянной человечности заставило его на долю секунды обернуться.

Диспетчер уже не двигался.

Он застыл посреди смотровой площадки, вытянув руку в сторону Мики, будто всё ещё пытался вытолкнуть его прочь одной лишь силой воли, — а лицо его, за секунду до этого искажённое отчаянной решимостью, теперь медленно, неотвратимо разглаживалось, теряя всякое выражение, будто сама решимость эта была последним, на что у него хватило сил.

Купол над их головами вспыхнул сначала не белым, а глубоким, почти нежным золотисто-оранжевым светом — отражение чего-то огромного, поднимающегося из самого сердца станции, где-то далеко внизу. Мика видел, как этот свет неспешно, почти торжественно разливался по красным пескам за куполом, окрашивая барханы в невозможный, потусторонний багрянец, — а мгновение спустя земля под ногами вздрогнула, и оранжевое зарево взорвалось ослепительной, всепоглощающей белизной.

Стекло купола не выдержало первым — тонкие трещины побежали по нему стремительной паутиной, а затем весь свод разлетелся мириадами сверкающих осколков, подхваченных чудовищной, раскалённой волной, идущей откуда-то из недр вышки.

Мика впервые за все эти бесконечные циклы не отвернулся, не зажмурился. Он смотрел — смотрел, как огненная волна поглощает диспетчера, всё ещё стоящего с вытянутой рукой посреди рушащейся площадки; смотрел, как раскаляется сама вышка, как красные пески за куполом на мгновение озаряются светом ярче самого марсианского солнца; смотрел на смерть — не абстрактную, не где-то за спиной, а прямо перед собой, в упор, во всей её беспощадной, ослепляющей полноте.

А потом наступила тьма.

...

Тишина. Сухой ветер.

Мика открыл глаза — здесь же, на смотровой площадке диспетчерской вышки, там, где его застал предыдущий Взрыв. Купол над головой снова был цел, безупречно прозрачен, и марсианский закат за ним снова разгорался всё той же нетронутой, равнодушной красотой.

У погасшего пульта, привалившись спиной к панели, снова сидел диспетчер — сложив руки в молитвенном жесте, тихо, беззвучно шевеля губами, будто и не вставал никогда, будто и не кричал секунду назад Мике вслед единственное на всю его сломленную жизнь искреннее, отчаянное «беги».

Он не помнил этого. Не помнил, что в последний момент нашёл в себе силы позаботиться о ком-то, кроме себя самого.

Только Мика теперь нёс эту секунду в себе — единственный свидетель чужого, стёртого без следа акта человечности, — и от этого груз внутри его груди становился с каждым разом лишь немного, но неотвратимо тяжелее.

Глава 16. То, что накопилось

Лестница вниз с диспетчерской вышки показалась Мике длиннее, чем была на самом деле.

Он спускался медленно — впервые за много циклов не считая секунд, не вслушиваясь судорожно в тиканье собственной груди. Просто шёл, ступенька за ступенькой, и позволял себе, наконец, подумать.

«Орбитальная механика не прощает истерик», — сказал Деймон. «Окно запуска я упустил ещё восемь минут назад».

Если это правда — а голос старого диспетчера звучал слишком устало и слишком честно для лжи, — то весь этот путь, вся эта бесконечная гонка за пятью деталями теряла смысл ещё до того, как он поднял с пола первый инжектор. Челнок мог быть исправен целиком, до последнего болта, и всё равно никуда не улетел бы вовремя.

Мика остановился на середине лестницы, прижавшись спиной к холодным перилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.